

Комплекс Мессии / Messiah Complex (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Комплекс Мессии / *Messiah Complex* (рассказ)

Автор	Стив Паркер / Steve Parker
Переводчик	AzureBestia
Издательство	Black Library
Серия книг	Караул Смерти / Deathwatch
Входит в сборник	Долгое бдение / The Long Vigil
Предыдущая книга	Караул Смерти: Разрушитель теней / Deathwatch: Shadowbreaker
Год издания	2020
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Ухватив огромного мутанта за плечо, Фосс резко дернул его назад, и монстр с рычанием рухнул на землю. Место, где он только что стоял, тут же пронзила очередь. Пули замолотили по стенам жилых блоков вдоль всего проспекта, полетели осколки кирпича и штукатурки. На другой стороне улицы Стригго отщелкнул предохранитель болтера и оглянулся на Фосса, дожидаясь сигнала к атаке. Черные глаза Кархародона сияли в предвкушении грядущего кровопролития.

— Омни! — позвал он, перекрикивая шум орочьего наступления.

Фосс не откликнулся. Он был занят тем, что орал на мутанта.

— Не поднимай чертову башку! Если сдохнешь до того, как доведешь нас до цели, ничего не получишь!

Мутант — здоровенный, татуированный громила по имени Кулькавен, — моргнул фасеточными глазами. Всеми шестью, темневшими на плоском безносом лице. Кулькавена поразила физическая мощь космодесантника. Он не помнил, когда в последний раз кому-то удавалось сбить его с ног — здоровяк всегда гордился своей силой, но в тот момент ощутил себя беспомощней младенца. Помотав головой, Кулькавен заставил себя встать на ноги и отполз под прикрытие стены жилого блока, к Фоссу за спину. Мутант тяжело дышал.

Битва была для него делом привычным, а вот ксеносы оказались в новинку. Он слышал байки об орках, рассчитанные на то, чтобы пугать детишек-мутантов. Но никогда не представлял, что однажды орки будут штурмовать подземный дом его народа. Если Сафо-ведьма узрела это вторжение в своих видениях и предупредила об этом Ценецеку, то сам Ценецека, — так называемый спаситель народа Джуры, Города-под-Городом, — не соизволил рассказать об этом остальным.

— Это только первая волна, — крикнул Фосс Стригго и сорвал с перевязи гранату.
— Предвестники.

Стригго на мгновение выглянул из укрытия.

Всего лишь на долю секунды. Орки тут же открыли огонь из всех орудий, разнося в клочья угол стены.

— Я насчитал шестнадцать, — сообщил Кархародон. Слово «шестнадцать» он скорее прошипел, чем произнес — жуткой иссеченной пастью, с рваными, покрытыми шрамами губами и рядами треугольных зубов. Неудивительно, что Призрак окрестил Стригго «Зубоскалом»^[1]. Не то, чтобы Кархародона это сильно волновало.

— Целиком их отряд доберется сюда с минуты на минуту, — добавил Фосс больше себе под нос. Затем обернулся к Кулькавену:

— Как далеко отсюда резиденция
Ценецеки?

— Еще два района пройти нужно.

— Сколько минут, если бегом?

— Для меня? Сорок, если изо всех сил
бежать буду.

Фосс выругался. Он по уши увязнет в орках
еще до того, как сумеет подобраться к
механикусу-рenegату достаточно близко. А
армия Ценецеки, банды мутантов,
объявивших его мессией, двоих
космодесантников так просто не подпустят.
Согласно данным разведки, армия была
хорошо вооружена и умела драться —

техножрец объединил местные банды и превратил их в личную гвардию.

На инструктаже утверждалось, что у него ушло на это более трех столетий.

— На этот раз Пророк оказался прав, — буркнул Фосс. — Вся эта операция — одно сплошное фиаско.

Сигме стоило снабдить их мотоциклами или спидером. Возможно, его псайкер не предвидел вторжение орков точно так же, как и местные прорицатели. Зараженный космический скиталец вывалился из варпа и рухнул на единственную луну Сиррии в тот момент, пока «Святая Неварра» еще не закончила прыжок. И к тому моменту, когда

корабль инквизитора повис на орбите над столицей, планета внизу уже превратилась в поле боя.

Прямо сейчас Пророк кружил где-то над землей, на борту «Грозового ворона» с позывным «Вампир», дожидаясь, пока Фосс отметит для него цель — на тот случай, если Имперский Кулак и Стригго не сумеют схватить Ценецеку до того, как техножрец сбежит к эвакуационной площадке.

Фосс вытянул чеку гранаты и выглянул из-за укрытия.

«Будем надеяться, она сработает так, как надо», — подумал он.

Зеленокожие, яростно выпучив глаза, бросились к нему, размахивая топорами. Их массивные туши были закованы в грубые доспехи, стабберы в их руках ревели.

Фосс метнул гранату. Послышался резкий хлопок, и улицу от края до края затянуло красноватое облако. Повисла короткая пауза длиной в один тяжкий вздох — и зазвучали крики и вой. Оружие с лязгом посыпалось на землю. Орки попадали на колени, зажимая зелеными руками глаза, разъедаемые мощной биокислотой, полученной из тиранидских организмов.

Фосс таких гранат никогда раньше не видел, но на службе под началом Ордо Ксенос, уже привык к подобным вещам.

Сигма добавил гранаты к остальным боеприпасам, заготовленным для операции, без всяких объяснений, лишь рассказал, как они работают. По словам инквизитора, в первую очередь от попадания страдали чувствительные ткани — глаза, слизистая носа, десны, — а затем кислота попадала в легкие и быстро разъедала их изнутри.

Красная дымка развеялась, оставив на земле ковер из поддрагивающих зеленых тел. Фосс даже позволил себе секунду полюбоваться эффективностью оружия, а затем схватил Кулькавена и подтолкнул вперед.

— Пошли!

Стригго шел первым, мутант держался между ним и Фоссом. Без Кулькавена они двигались бы куда быстрее, но карты этого места у них в распоряжении не имелось. А так как эти обширные пещеры изначально были опустившими урановыми шахтами, то фоновая радиация сводила на нет и работу сканеров, и даже вокс-коммуникации.

Карты нет. Контакта с «Вампиром» и Пророком — тоже.

«Можно было хотя бы сейсмостимками воспользоваться, — подумалось Фоссу. — Хоть какая-то информация».

Вот здесь вышла промашка. Чья именно — задумываться было некогда. По мере того,

как отряд продвигался вперед, уродливые и ветхие многоэтажные бараки сменялись более высокими и куда лучше отстроенными жилыми кварталами и небольшими перерабатывающими комплексами. Пустые улицы освещали газовые лампы и электрические люмены. Свет лился и из окон жилых блоков, проникал в узкие улочки из дверей, оставленных нараспашку спешно удиравшими обитателями.

Согласно инструктажу, полученному перед высадкой — прямо сказать, весьма скудному на подробности, — Ценецека бежал сюда после того, как пропал Аль-Рашак. Прилетел ли он сознательно или

корабль попросту упал — об этом ничего не говорилось.

«Аль-Рашак». От этой мысли Фосс вспомнил о том дерьме, которое творилось на Тихонисе, и зарычал. Непонятно, как вернувшийся Грамотей, за те несколько секунд, пока его под конвоем вели в изолятор, успел рассказать, что Аль-Рашак служил секретной базой Механикума, и те старательно прятали ее от остального Империиума. Когда Инквизиция начала подбираться поближе, марсианское жречество заставило базу исчезнуть. Это случилось триста лет назад. Похоже, Сигма и Ордо Ксенос снова смогли подобраться к Аль-Рашаку. Иначе бы Фосса и Стригго

сюда не отправили.

Ценецека, знавший о существовании базы, не мог не понимать, что за ним начнут охоту и Инквизиция, и Адептус Механикус. Неудивительно, что он предпочел осесть там, куда имперцы никогда не заглядывали. Кулькавен рассказывал, что их механический мессия обещал своим мутантам-последователям однажды построить их собственный город — место под солнцем, где они смогут жить без преследований. Он повторял об этом столько, сколько помнил любой из ныне живущих. И по мере того, как укреплялся авторитет Ценецеки здесь, в подземельях Сиррии, усиливалось и его влияние на

власть имущих там, наверху. И мутанты Джурры все меньше его боялись и все больше обожали. Ценецека был целителем, исправлявшим уродства. Он удалял недоразвитые конечности, пришивал вторичные рты и глаза, устанавливал механические руки и ноги, многих спасал от болезней... Он даже смог придать некоторым мутантам достаточно человеческий облик, чтобы те смогли внедриться в общество на поверхности.

Для мутантов — тайных, незаконных потомков тех мужчин и женщин, которым пришлось работать в урановых рудниках планеты с тех пор, как ею завладел Империиум, — Ценецека был не просто

каким-то там техножрецом-рenegатом. Он был единственным, кто мог справиться с болью, невзгодами и отчаянием, составлявшими всю их жизнь.

Он стал надеждой.

Он стал их мессией.

— Нам нужен транспорт, — сказал Фосс Кулькавену на бегу. — Если орки доберутся до святилища Ценецеки раньше нас, он успеет сбежать.

— Оглянитесь по сторонам, милорд космодесантник, — прохрипел Кулькавен, гулко топая по мостовой. — Все машины в Джуре забрали местные, чтобы доехать до

точки сбора перед эвакуацией.

Кулькавен уже рассказал им все, что знал. Мутанты собирались в назначенных точках на восточном краю города-пещеры и в убежище Ценецеки в самом центре города — чтобы оттуда подняться на поверхность и напасть на Сиррийскую гвардию, контролирующую эвакуационные площадки. Ценецека рассчитывал захватить транспортник, способный путешествовать через варп, чтобы помочь своему народу сбежать с планеты. Хватит и одного корабля, но для этого придется перерезать множество солдат и флотского персонала.

Если бы Ценецека бежал один, то ему не

составило бы труда покинуть Сиррию. Но, хотя обычно техножрецы не отличались особой сентиментальностью, конкретно этот отчего-то решил рискнуть собственной шкурой ради этих недолюдей.

Стригго первым добрался до перекрестка. Остановившись, он прижался спиной к стене и выглянул, ища возможных противников.

— Все чисто. Куда дальше, мутант?

Кулькавен пробежал дальше и, выскочив на середину перекрестка, повернул направо.

— Сюда! — крикнул он, оглянувшись через плечо. — Через рыночные улицы и

заводские кварталы!

Послышался резкий скрип тормозов. Кулькавен мигом бросился на землю, распластавшись ничком. Из переулка слева выехал полугусеничный тягач. Водитель едва успел вовремя повернуть, проскочив в нескольких дюймах от Кулькавена.

Тягач остановился. Его двигатель продолжал шумно реветь. Стригго оглянулся на Фосса.

— Император ниспослал.

Имперский Кулак кивнул. Космодесантники вскинули болтеры наизготовку и направились к машине.

Тогда...

Мальчик по имени Максиммион щелкнул переключателем, и пламя сварочной горелки погасло. Края пластины, закрывшей дыру в трубе, все еще пылали ярко-оранжевым, но сияние постепенно меркло.

— Я закончил, — сообщил Максиммион мальчишке, устроившемуся по правую руку от него.

Его брат-близнец ответил не сразу — он все еще был занят собственной работой. Закончив свой труд, он повернулся и кивнул.

Его звали Кассус. И, не считая темного шрама на левой щеке, отметины, оставленной электроплетью техножреца, они с Максиммионом ходили друг на друга, как две капли воды. И когда Кассус улыбался брату, Максиммион чувствовал себя так, будто улыбается сам себе в зеркало.

— Нужно уходить отсюда, — сообщил Кассус и похлопал по таймеру на запястье. — Две минуты.

Этого должно было хватить. Подобный ремонт теперь составлял самую суть их существования. Восемилетние мальчишки могли пролезть в такие трубы и проходы, куда не помещался ни один из взрослых

рабов. Максиммион догадывался, что именно поэтому техножрецы и выкупили обоих мальчиков у их родителей, хотя он понятия не имел, в какую ничтожную сумму они обошлись новым хозяевам. Проверка выявила у обоих близнецов способности к работе с техникой, причем выше среднего — и их обоих незамедлительно отправили заниматься делом. Это случилось два года назад. Тогда близнецам было по шесть лет.

— Давай наперегонки к люку! — заявил Максиммион и, не дожидаясь ответа, толкнул брата к стене и пробежал мимо, пригнувшись. Труба была слишком узкой, чтобы выпрямиться в полный рост.

Кассус засмеялся и побежал следом.

Полторы минуты. Времени еще достаточно.

Мортен, апатичный взрослый раб, которого часто отправляли на помощь мальчишкам, как всегда дожидался возле люка, бездумно раскрыв рот. Он должен был запечатать трубу сразу же, как только они выберутся.

Кассус догнал брата, и пару мгновений они толкались на бегу, но Максиммион оказался совсем чуть-чуть сильнее и снова вырвался вперед.

Одна минута.

То, что техножрецы оставили близнецов вместе, казалось обоим мальчишкам

благословлением Самого Омнисии. На производстве хватало других детей, братьев и сестер, которых с первого же дня разделили и отправили работать в совершенно разные сектора комплекса.

Максиммион не догадывался, что решение оставить их вместе основывалось на данных, собираемых целую тысячу лет — статистика показывала, что эффективность работы однойцевых близнецов незначительно увеличивалась, если те работали одной командой.

Сорок секунд.

Максиммион по-прежнему шел впереди. Он рассмеялся на бегу, ничуть не сомневаясь,

что обгонит брата.

Их труд был тяжелым, а жизнь, состоявшая из рабства и наказаний, еще тяжелее — но они каждый день улучали минутку, чтобы поиграть. Братья постарались как можно лучше приспособиться к тем условиям, в которые их продали родители.

Двадцать секунд. Последний поворот.

Максиммион так разогнался, что пришлось оттолкнуться от внешней стены поворота, чтобы вписаться. А впереди, всего в пяти ярдах, из люка лился свет люменов.

Позади раздавались шаги Кассуса — тот как раз преодолел поворот, — и

Максиммион устремился вперед, но тут послышался крик, и мальчик замер, как вкопанный. Он резко развернулся, едва не упав, и увидел Кассуса — тот лежал на полу, держась за лодыжку.

Максиммион тут же поспешил обратно.

— Нет! — закричал брат. — Пятнадцать секунд! Уходи отсюда!

Но Максиммион его не слушал. Он добрался до Кассуса, ухватил обеими руками за левое запястье и поволок к люку.

— Мортен! — закричал он. — Мортен!
Отключите пар! Нам нужна помощь!

Он кричал, срывая голос, и понимал, что

уже не успевает, но сдаваться не собирался. Закряхтев, Максиммион поволок брата дальше.

Неожиданно Кассус изогнулся и пнул его здоровой ногой. Максиммион отлетел и ничком рухнул на спину — и увидел над собой искаженное от злости лицо Мортена. Здоровяк наклонился и протянул руки в трубу.

— Нет! — кричал Максиммион, но поделить ничего не мог. Мортен вытащил его из трубы и отшвырнул на металлический пол.

Мальчик основательно ударился головой, и перед глазами поплыли белые пятна. Он попытался встать, но тело отказывалось

двигаться так быстро, как требовалось.

Сквозь пелену в глазах он увидел, как Мортен прилаживает крышку люка на место — ровно в тот момент, когда по трубе хлынул раскаленный пар. И Максимиону показалось, что он услышал крик, неожиданно оборвавшийся — может быть, его собственный, может быть, его брата.

Он так и не узнал.

Перед глазами потемнело, и он снова рухнул на пол. Но уже не почувствовал этого.

Фосс отогнал воспоминания прочь...

Мутант с невероятно длинными руками и вытянутой лысой головой спрыгнул с пассажирского сидения тягача и побежал вперед. Он двигался как обезьяна, опираясь пальцами на землю, мало похожий на человека, но гибкий и странно грациозный. И когда мутант увидел, кого едва не переехал, то начал орать:

— Кулькавен! Мы же тебя чуть не убили, придурок! Какого шлака ты все еще тут бегаешь?

Взволнованный урод не заметил, как позади подкрались две огромные черные тени — одна к нему самому, а другая — к его товарищам. Но прекрасно заметил дуло болтера, прижатое Фоссом к его голове.

Непропорциональное тело охватила нескрываемая дрожь. Мутант медленно обернулся и поднял глаза, взглянув на Имперского Кулака. И у него отвисла челюсть.

— К-Кул?.. — заикаясь, позвал он.

Кулькавен подскочил на ноги и бросился к Фоссу, державшему мутанта на прицеле. Остальные трое уродов, занимавших водительское место и два позади, неподвижно замерли. Те, кто сидел сзади, в ужасе таращились вниз, на Стригго, переводя взгляд с татуированного белого лица Кархародона на болтер, смотревший прямо на них.

— Не убивайте их! — попросил Кулькавен оперативников Караула.

— Кул? — подал голос мутант, сидевший на месте стрелка. — Какого?..

Болтер Фосса громко рявкнул. В этой операции разрешалось обходиться без глушителей. За спиной Имперского Кулака тут же прогрохотали еще три выстрела.

Длиннорукий мутант, лишившись головы, рухнул на землю как мешок с камнями.

Лишь в воздухе еще мгновение висело алое облачко.

А Фосс уже успел развернуться к водителю. И уложил его одним выстрелом.

— Нет! — заорал Кулькавен, выбрасывая вперед руки. Но было уже слишком поздно.

Стригго запрыгнул на платформу тягача, содрогнувшегося от нагрузки, и легко сбросил тела убитых мутантов на землю. Фосс подошел к кабине, вытащил труп водителя за руку, швырнул, не глядя, назад, и забрался следом за Кархародоном. Тягач накренился под его весом.

— Ты садишься за руль, мутант, — велел Стригго.

— А здесь что? — спросил Фосс, кивнув на ящик под ногами у товарища. Всего на платформе таких обнаружилось четыре — крупных, серо-стального цвета. Стригго

небрежным жестом оторвал замок и вскрыл контейнер.

— Рад-винтовки, — сообщил Кархародон. Магазины ружей осветили его лицо зловещим зеленоватым сиянием. — А вон в том... полно рад-гранат.

Оружие такого рода могло вызывать у смертных болезни и в конечном итоге привести к смерти, но космодесантникам оно вреда не наносило. А мутанты-то, решил про себя Фосс, и вовсе, пожалуй, невосприимчивы к радиации — их родителями становились урановые шахтеры, которые и сами по себе уже были нездоровы.

— Гранаты возьмем себе, — сказал Фосс Стригго и кинул рад-винтовку к ногам Кулькавена. Мутант по-прежнему стоял возле кабины тягача, в шоке глядя на труп водителя, и отвернулся только тогда, когда винтовка стукнулась об землю.

— Тебе стоит вооружиться, — заметил Фосс. — Нам придется драться.

Кулькавен покачал голову и нахмурился, опустив брови над каждым из шести черных глаз.

— Я не буду убивать собственных людей.

— С орками, дубина ты кривая, — прошипел Стригго. — *Их*-то ты будешь убивать, я

надеюсь?

Кулькавен поднял рад-винтовку. И Фосс понял, о чем тот на мгновение задумался.

— Не дури, — рыкнул космодесантник. — Ты умрешь на месте. И ради чего? Твоя женщина и твой ребенок ждут. Ты помнишь, о чем мы договаривались?

Кулькавену и его семье обещали помочь выбраться с планеты и выдать разрешения на санкционированную для мутантов работу — это спасло бы их от немедленной казни на хотя бы нескольких имперских планетах... при условии, что Сигма заполучит в свои руки Ценецеку.

Сами по себе пропуска не обладали особой ценностью, но оставаться на Сиррии сейчас, когда планета кишела орками, означало верную гибель. А зыбкая перспектива все равно оставалась перспективой.

— Давай за руль, — скомандовал Фосс.

Кулькавен, все еще огорченно хмурившийся, закинул винтовку за плечо и забрался на водительское сидение.

— Всю свою жизнь общался с убийцами, — буркнул он себе под нос, — а в лицо настоящей Смерти заглянул только сейчас.

Космические десантники. Героические.

Блистательные. Сверкающий клинок в руке человечества.

«Бред сивого грокса!»

Обычные убийцы. Абсолютно бездушные, ничем не похожие на людей убийцы.

«Как машины».

Он нажал на педаль, и тягач сорвался с места. На душе у Кулькавена все еще было тошно после такой безжалостной расправы над четырьмя его братьями-мутантами.

Очень скоро тягач набрал скорость и понесся по улицам заброшенного города. Мимо промелькнул рыночный район — его темные улицы, некогда полные людей и

палаток, затянутые вывесками, теперь совершенно опустели. А потом торговые ряды сменились заводами и кузнями, комбинатами и складами, сборочными цехами.

До ушей Фосса долетел какой-то звук. Имперский Кулак оглянулся на Стригго, и тот кивнул — он тоже услышал. Сквозь рев двигателя тягача и лязг его гусениц доносился шум приближавшихся орков. Судя по звукам, их было великое множество, и наступали они с запада. Фосс слышал хриплый рев и топот тысяч металлических подошв.

— Как-то все это неправильно, а? — буркнул Стригго.

Фосс вопросительно поднял бровь.

— Мы — Караул Смерти. Охотники на ксеносов...

— ...а вся операция не имеет к ксеносам никакого отношения. — Максиммион усмехнулся уголком рта.

Стригго кивнул, продолжая смотреть куда-то в пустоту.

— И все это — из-за навязчивой идеи Эпсилон. — Он оскалил треугольные зубы, произнося ненавистное имя.

«Эпсилон, — кивнул Фосс про себя. — Тихонис. И та кровавая заваруха».

Команду Стригго предали двое ее собственных членов и та самая инквизитор, у которой они ходили под началом. «Сабля» погибла из-за внутреннего раскола, и Кархародон остался последним выжившим.

«А теперь он стал частью „Когтя“», — мысленно закончил Фосс.

Стригго все еще адаптировался к новой команде, и еще сложнее этот процесс шел из-за отсутствия отрядного Альфы. Призрак прилепил ему прозвище «Зубоскал», и это могло бы плохо кончиться, учитывая жестокую, порой абсолютно звериную натуру Кархародона, но Гвардеец Ворона был не настолько бесцеремонным, каким казался. На Стригго выданное прозвище в

конце концов оказало такой же эффект, как и на остальных — оно превратило его в полноценного члена отряда и дало понять, что его приняли в «Коготь». Соларион, как и следовало ожидать, относился к Кархародону с прохладцей, Раут оставался все таким же неулыбчивым и отстраненным, но никто бы не стал отрицать свирепость и выносливость Стригго и его способности к ближнему бою.

Отделение «Коготь» пережило операцию «Разрушитель теней» точно так же, как и «Ночную жатву», но оба раза им потребовалась некая жертва со стороны Лиандро Карраса. И теперь, после загадочного отсутствия, каким-то образом

связанного с альдари, библиарий из Призраков Смерти, обладавший статусом Когтя-Альфа, был отправлен на допрос с пристрастием и проверку чистоты. А та, в свою очередь, могла закончиться отлучением, а то и казнью.

«Какой же ценой ты спас нас на этот раз, Грамотей? — думал Фосс. — Как ты это сделал? И когда вернешься к нам обратно?»

Но с расспросами придется подождать. Тут, на Сиррии, ответов на них точно не водилось.

Да и некогда было об этом задумываться. В пятистах ярдах впереди полыхнуло пламя

взрыва, осветив одну из огромных колонн, поддерживающих своды пещеры. Фосс и Стригго разом подняли глаза. Послышался резкий грохот пальбы, а затем оглушительный боевой клич, вырвавшийся из нечеловеческих глоток — он явно сигнализировал о начале атаки.

Послышался ответный огонь и такие же громкие вопли.

Но эта стрельба звучала иначе. И крики тоже.

Воины Караула, стоявшие на платформе тягача, подняли болтеры наизготовку. Впереди, за покрытыми грязью стенами фабрики, загораживающей святилище

техножреца, кипела битва.

И, судя по звукам, отчаянная.

А тогда...

Эхо крика еще звенело у Максиммиона в ушах, когда он очнулся и обнаружил стоящих над ним двоих техно-аколитов в алых мантиях. Мортен, опустившийся перед ними на одно колено, докладывал о случившемся.

Максиммион помотал головой, отгоняя дурноту, подскочил и набросился на старшего раба, покрасневшийся от злости.

— Ублюдок! — закричал он.

Один из техно-аколитов плавно повернулся, ухватил мальчишку металлической рукой и поднял над полом. Некоторое время аколит сверлил Максиммиона взглядом глаз-линз, пока тот отчаянно трепыхался, силясь дотянуться и как-нибудь навредить жуткому противнику.

— Экстремальный уровень эмоционального напряжения, — раздался тонкий голос из решеток вокалайзера на металлической маске человека-машины. — Повышенный адреналин и кортизол. Учащенное сердцебиение.

Высунувшееся металлическое щупальце кольнуло Максиммиона иглой в руку, вливая какую-то голубую жидкость. Совсем

чуть-чуть, но та подействовала незамедлительно. Глаза мальчика потускнели, и он перестал сопротивляться.

Он по-прежнему находился в сознании и все понимал, но вся его ярость, вся его боль, все эмоции показались странно нереальными, будто Максиммион наблюдал их на мониторе или в гололитической проекции. Он знал, что это его эмоции, но отчего-то не мог больше по-настоящему их испытывать.

Аколит опустил его на землю, и Максиммион послушно замер, глядя на складки красной мантии. Время потянулось иначе — медленнее и тяжелее.

— Тело следует извлечь, — протрещал второй аколит через вокалайзер. — Для оптимальной интенсивности потока в трубе не должно быть препятствий.

— Повелители, — ответил Мортен, — я не дотянусь до тела через люк.

Второй аколит повернул светящиеся зеленые линзы на Максиммиона.

— Мальчик подтянет тело поближе, и ты сумеешь его вытащить.

Мортен покосился на Максиммиона и нервно облизнул губы.

— Повелители, — осторожно начал он, — это тело его брата. Может быть, вы

позвольте мне попросту взять подходящий инструмент?

— Подобные вопросы — пустая трата времени, — оборвал его аколит. — Под воздействием данных препаратов мальчик будет делать то, что ему приказывают.

Таким образом Максиммиону пришлось вытаскивать из трубы труп собственного брата-близнеца, изуродованный волдырями до неузнаваемости. Кожу обожгло так, что почерневшие руки Кассуса намертво приварились к лицу, которого он рефлекторно закрыл, угодив под струю пара. Даже татуировка в основании шеи, рабская метка, выгорела полностью.

Ф:054

По крайней мере, смерть освободила его от служения ублюдочным людям-машинам.

Максиммион выбрался из трубы и обернулся, без всяких слов, без всяких эмоций наблюдая, как Мортен вытаскивает тело через люк. Из-за того голубого раствора разум мальчика превратился в пленника собственного черепа, а тело выполняло команды аколитов. Он мысленно кричал, и выл, и проклинал их за то, что они сотворили, и клялся, что никогда не забудет этого и никогда не простит.

Мортен бережно убрал труп в мешок, понимая, что Максиммион наблюдает за

ним. И на обычно равнодушном лице старшего раба промелькнула смутная печаль и сочувствие, но мальчику было все равно.

Мортен закрыл люк. Раб или нет, но он тоже приложил руку к смерти Кассуса.

Тогда Максиммиону и в голову не пришло, что если бы он не предложил брату сыграть в догонялки...

...это осознание настигло его позже. И засело в голове на всю оставшуюся жизнь.

— Сервитор заберет тело на переработку,
— сообщил один из аколитов. — Ничего не следует растрачивать впустую. Можешь

оставить его вон там, в углу, и возвращаться к выполнению своих обязанностей.

— Мальчика отправят на психорегулировку, а затем он продолжит работу, — добавил другой.

Он легко поднял Максиммиона над полом и направился в медицинский отсек, оставив товарища заниматься другими делами.

Металлические ноги аколита жестко и ритмично лязгали об мостки и лестницы.

Они миновали секции комплекса, в которых Максиммион раньше никогда не бывал.

Сопротивляться он по-прежнему не мог, но подмечал каждую дверь, каждое

вентиляционное отверстие, каждый коридор и окно.

Он понятия не имел, что такое психорегулировка, но точно знал две вещи.

Во-первых, он не останется в рабстве у механикумов надолго.

Во-вторых, он покарает их.

Однажды он их покарает.

Сейчас не время для этих воспоминаний...

Здания по левую сторону охватило пламя, и густой черный дым валил из всех окон и дверей. Огромные кирпичные трубы

заводов обрушились, погребая под собой фабрики и хранилища. И со всех сторон бушевала разъяренная зеленая толпа, бурным речным потоком несущаяся к обители Ценецеки.

Кулькавен убрал ногу с педали газа, инстинктивно не желая подбираться близко к полю боя. Стригго постучал бронированным кулаком по крыше кабины.

— Не останавливайся, мутант! — рыкнул он. — Давай быстрее! Прямо к тем воротам!

Южные ворота представляли собой огромные двери из укрепленной стали, видневшиеся в высокой стене, окружавшей комплекс по периметру, с торчавшими

через каждые пятьдесят ярдов башнями. С них шел обстрел — яркие зеленые лучи прожигали плоть напиравших орков насквозь. Однако, несмотря на всю сокрушительную мощь рад-орудий, орки оставались серьезными противниками. Лучи отсекали им руки и ноги, но зеленокожие продолжали напирать неотвратимой волной.

— Кулькавен! — крикнул Фосс. — А с восточной стороны ворота есть?

С их позиции удавалось разглядеть только южные.

— Есть! — откликнулся мутант, пытаюсь переорать шум битвы и рев тягача,

несущегося на максимальной скорости.

Несколько десятков орков заметили приближающийся тягач и, отколовшись от основной толпы, бросились наперерез. Фосс и Стригго вскинули болтеры и принялись сбивать противника с практически хирургической точностью.

Кулькавен видел через окно кабины, как обезглавленные чудовища одно за другим падают на землю. Кровь хлестала из обрубков так густо и сильно, что казалась черной.

— Поворачивай к восточным воротам! — крикнул Фосс между выстрелами.

Впереди основной толпы бежал отряд орков, паливший из всех орудий, и вот они представляли для тягача реальную угрозу. Пули засвистели у Фосса над головой. Он зарядил высоковольтный фразг-снаряд в подствольный гранатомет болтера и, прицелившись в ревущую толпу, выстрелил.

Эффект был жуткий — орков разорвало на части. На крышу кабины тягача упала массивная рука, заляпав кровью боковое окно с пассажирской стороны. Кулькавен испуганно вскрикнул и увел тягач в сторону, объезжая мешанину тел, покрывавшую дорогу.

— Цель скоро убежит, — напомнил Стригго.

— На это я и рассчитываю, — откликнулся Фосс.

Орки уже подобрались вплотную к западной стене комплекса, забрасывали через нее взрывчатку и забирались наверх по веревкам, привязанным к примитивным анкерам. Орудия на башнях уже умолкли — мощный обстрел, устроенный орками, уничтожил все артиллерийские расчеты до единого. Но несколько сотен отчаянных храбрецов продолжали изо всех сил оборонять коридоры, а со стен святилища вовсю огрызались гаубицы и летели рад-гранаты.

Высота стен не позволяла разглядеть внутренние постройки комплекса, но в

самом центре возвышался огромный черный шпиль, богато украшенный, но лишенный всякой имперской символики.

Фосс как раз посмотрел на него, когда на высоте одной трети башни прогрехотали взрывы, и шпиль начал падать, как подрубленное дерево, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее. Наконец он упал, разнося в пыль западную стену комплекса, и рассыпался на миллиард кирпичей, погребая сотни зеленокожих. Пыль взметнулась вверх огромным облаком, освещаемым вспышками от выстрелов тех орков, кто сумел избежать гибели.

Ответный огонь мутантов уже перестал

быть таким интенсивным — защитники оказались сломлены и теперь думали только о том, как сбежать. Зеленокожие напирали сквозь завесу пыли, беснуясь в предвкушении скорой победы — они уже не сомневались, что одержат верх.

— Он сбежит, — проговорил Фосс, и Стригго снова замолотил по кабине.

— Быстрее, мутант! Выжимай до упора!

Впереди показались восточные ворота — они уже открывались. Тягач и без того шел на максимальной скорости и быстрее ехать не мог.

Из ворот вырвались два броневедомоцикла с

надстроенными турелями и понеслись на восток. Тягач шел в трехстах ярдах от них — он не мог их настичь, но и не отставал.

Пули орков забарабанили по боку машины. Одна царапнула Стригго левый наплечник.

— Проклятье! — сплюнул Кархародон и выпустил в ответ очередь болт-снарядов. — У тебя есть один выстрел, Омни. Потом они скроются.

Фосс уже заряжал патрон с маячком в болтер.

— Который из них? — закричал космодесантник Кулькавену.

— Что?

Фосс зарычал. Конвой вот-вот уйдет из поля зрения и завернет вправо, за плотный массив зданий. Два броневедомобиля выглядели совершенно одинаково.

— Техножрец! — заорал Фосс. — Он едет впереди или позади?

— Понятия не имею! — откликнулся Кулькавен. — Я...

Броневедомобиль, шедший вторым, неожиданно резко развернулся и устремился напрямик к тягачу. Стрелок на крыше открыл огонь, пытаюсь прицелиться как следует, и дорогу перед машиной прошила пулеметная очередь.

Кулькавен свернул в сторону. Стригго тут же начал стрелять в ответ, тремя меткими выстрелами убив автоматчика, а затем взял на прицел водителя. Болт-снаряды взорвались прямо перед кабиной, но автомобиль продолжал нестись вперед — его лобовая броня оказалась слишком прочной.

— Да чтоб вас!.. — выругался Фосс.

— Стреляй! — рявкнул Стригго.

Имперский Кулак прицелился по уезжающей машине.

Приближающийся бронееавтомобиль даже и не собирался сворачивать. Водитель

решительно намеревался остановить космодесантников.

— Кровь примарха, только бы мы не ошиблись... — пробормотал Фосс и выстрелил.

Маячок угодил точнехонько в корпус машины, чуть-чуть повыше гусениц.

До лобового столкновения оставались считанные футы. Кулькавен заорал.

Мощный удар сплющил тягачу нос и заставил подняться на дыбы. Фосса и Стригго отшвырнуло прочь, завертело в воздухе, но прежде, чем машина снова рухнула на землю, оба космодесантника по-

кошачьи ловко приземлились, невзирая на рост и вес — и бросились бежать со всех ног, держа наготове оружие, пока убежавший техножрец не успел уйти слишком далеко.

Воспоминания снова встали у него перед глазами — нежеланные и непрощенные...

Мальчик собирался убить Мортена, пока тот будет спать, но старший раб неожиданно удивил его — вскоре после смерти Кассуса.

— Ты все помнишь, — заявил Мортен, пока они вместе с Максиммионом трудились над сломавшимся генератором.

Мальчишка сглотнул, не зная, что ответить — но отчего-то решился рассказать напарнику, что психорегулировка техножрецов не возымела никакого эффекта.

— Я помню, — негромко ответил он, и Мортен кивнул.

— Нельзя отнять что-то, если ты не хочешь это отдавать. Психорегулировка помогает только тогда, когда ты сам хочешь освободиться от боли.

— Если боль помогает мне не забыть, — ответил Максиммион, — я никогда не позволю ее отнять.

Мортен с грустью посмотрел на него и, сделав вид, что пытается закрутить неподдающийся болт, наклонился пониже.

— Я помогу тебе, — проговорил раб. — Если ты действительно намерен это сделать.

— Что сделать? — округлил глаза Максиммион.

— Сбежать. Вырваться от них.

Мальчик не ответил. А что, если это ловушка? Что, если Мортен нарочно это говорит, зная, что Максиммион считает его отчасти виноватым?

— Они не понимают силы эмоций, — продолжил Мортен. — Они думают, что их

психорегулировка — панацея от всего. Но она не сработала и на мне, когда мои брат и сестра умерли на полу фабрики. И я абсолютно уверен, что она не сработала и с тобой. И я знаю, что ты что-то замышляешь — потому что я тоже замышлял.

Раб умолк, вздохнул и ссутулил плечи, словно под грузом прожитых лет.

— Но я слишком сильно боялся. Мне не хватило храбрости довести дело до конца. А тебе хватит. — Он взглянул Максиммиону прямо в глаза. — Ты сможешь это сделать.

Мальчишка глубоко задумался, пытаюсь осознать сказанное напарником. Ему было восемь лет. Последние два года всю его

жизнь составляли шипящие трубы, гудящие механизмы и жужжащие люмены комплекса.

— Я не знаю, куда мне идти, — пробормотал Максиммион себе под нос.

Пиктер безопасности, висящий позади на стене, наблюдал за рабами, поэтому те продолжили работу, не прерывая разговора. Мортен велел мальчику молчать, если он окажется к пиктеру лицом, потому что у техножрецов имелись когитаторы, способные распознавать движения губ. Поэтому они разговаривали только во время работы над генератором, и только так, чтобы сами едва слышали друг друга.

— Ты достаточно маленький, чтобы пролезть сквозь какой-нибудь воздуховод, если сможешь заблокировать вентилятор на достаточное время. И как только ты окажешься на земле, направляйся на запад, за заходящим солнцем. Тебе придется пересечь реку, так что иди вверх по течению, где она расходится пошире. Там так мелко, что даже ребенок перейти сможет. Продолжай идти на запад, пока не доберешься до Лондуа и до космопорта.

— Космопорта?

— Украдешь себе еды и спрячешься на корабле — чем больше он будет, тем лучше. И никому не показывай свои рабские татуировки.

Максиммион взглянул на двоичный код на внутренней стороне запястья. Еще один символ темнел у него в основании шеи — череп и шестерня и четырехзначное обозначение.

Ф:055

— Как только твое исчезновение заметят, поднимется тревога, и за тебя назначат мзду, — продолжил Мортен и, заметив, что мальчик не уловил, что такое «мзда», пояснил:

— Награду тому, кто вернет тебя
Механикус.

Максиммион понятливо кивнул.

— Внимательнее выбирай, кому довериться. И никому не позволяй вернуть тебя обратно. Техножрецы всегда превращают тех, кто не сумел сбежать, в наглядный пример.

После этих слов взгляд раба стал рассеянным, и Максиммион понял, что Мортен вспомнил кого-то, кто стал именно таким примером. Но расспрашивать не стал — в глазах раба светилась искренняя боль, и мальчик понял, что напарник его не обманывает.

Это не ловушка.

— Мы сделаем это через два дня, — добавил Мортен, очнувшись от

воспоминаний, — во время пересмены.

Между тем, они закончили ремонтировать генератор, и больше времени на разговоры не осталось.

«Через два дня, — подумал Максиммион. — Через два дня я стану свободным...»

«И больше никогда не буду иметь никаких дел с проклятыми техножрецами».

Игнацио Соларион, также известный как «Коготь-Четыре» или «Пророк», сидел возле заднего люка «Грозового ворона», привалившись спиной к стене. Сверившись с хроно, он выругался. Сколько еще ему

придется ждать? Омни с новичком когда-нибудь выберутся оттуда или нет?

Проклятый Имперский Кулак отрастил себе такие мускулы, что оставалось только удивляться, как он вообще может бегать.

Впрочем, Кархарадон-то казался шустрым.

Без вокс-связи Соларион никак не мог узнать, что происходит в подземельях, и это действовало на нервы.

Вместо брони на нем была черно-серая боевая униформа с сине-белой нашивкой Ультрадесанта на правом плече, а на левом темнела такая же, но с символом Караула Смерти — черепом и инсигнией. Поверх форму опутывали ремни с патронами для

снайперской винтовки.

Приказ о роли Солариона в этой операции звучал совершенно четко — он должен был оставаться на борту «Вампира» и оказывать поддержку с воздуха.

Техножреца убивать запрещалось. По словам Сигмы, этого Ценецеку дозволялось искалечить при необходимости, но не убивать.

А значит, инквизитор собирался его допрашивать.

Соларион в ответ только плечами пожал. Приказ его ничуть не расстроил. Грамотно искалечить бывало не менее сложно, чем уложить с одного выстрела. Так что его

изводило только ожидание и отсутствие новостей.

Проклятые урановые шахты. Стоило подключиться через провода к наружной антенне, как тогда, на Кьяро.

Массивный «Вампир» притаился в низине между двух пологих холмов к югу от эвакуационных площадок, заглушивший двигатели и скрытый маскировкой. К западу небо почернело от дыма — там полыхала столица. То и дело раздавался протяжный рев — в небо поднимался очередной транспортник Имперского Флота, уносивший в утробе перепуганных сиррийцев в относительно безопасный космос.

Большая часть беженцев смогла благополучно выбраться, но орочьи самолеты все-таки сбили несколько транспортников ракетами, проскакивая в бреши в противовоздушной обороне и уходя от истребителей Сиррийской гвардии. Эскадрильи планетарных воздушных войск существенно потеряли в численности.

«Тьма вас там побери, пенек, — подумал Соларион, подхвативший любимое ласковое прозвище Призрака, которым тот окрестил приземистого Имперского Кулака. — Если вы не выберетесь в ближайшее время, зеленокожие захватят воздушное пространство, и мы вообще никуда не

улетим».

Снова послышался рев, и Соларион перевел взгляд на север. Там, как огромная тяжелая птица, пытающаяся взлететь, сквозь облака поднимался очередной блестящий транспортник.

Орочий истребитель, вырвавшись из отчаянной схватки с одной из имперских «Молний», заложил вираж, готовый выстрелить по основным двигателям транспортника. Но в этот момент сверху спикировала еще одна «Молния» и разнесла самолет зеленокожих прицельным огнем орудий. На землю посыпались пылающие обломки.

Соларион, глядя на это, одобрительно кивнул, и тут в динамике вокс-передатчика зазвучал голос Женнона, пилота «Вампира»:

— Вижу маркер, милорд! Только что появился на экране ауспика!

Модифицированные турбины «Вампира», шумевшие в разы меньше, чем у любого нормального «Грозового ворона» уже начали набирать обороты.

Соларион схватил винтовку, готовясь к старту. «Вампир» поднялся над травой и повернулся носом к западу.

— Где он?

— *Близко, — откликнулся Женнон. — Двигается быстро, значит, на чем-то едет. Похоже, только что выскочил из одной из старых шахт к западу-северо-западу отсюда. Там до самых эвакуационных площадок сплошное открытое пространство.*

— *Значит, он поедет напрямик, — предположил Соларион. — Орки скоро захватят площадки, так что времени у него почти нет. И у нас тоже.*

— *Пойдем вдоль холмов, наперерез, — сообщил Женнон, направляясь в указанную сторону. — Будем держаться низко.*

Соларион переключил каналы, пытаюсь

вызвать Омни и Зубоскала.

— Коготь-Три, это Коготь-Четыре. Прием.

Тишина.

— Коготь-Семь, это Коготь-Четыре. Прием.

То же самое.

— Да что б вас обоих...

«Шевелись там, Омни, — добавил Соларион про себя. — И не вздумай отвлекаться на драки с зеленокожими. Если ты опозоришь меня здесь, провалив миссию, то первым я подстрелю тебя».

Воспоминания не отпускали...

Мальчик покинул Лондуа на корабле, принадлежавшем контрабандистам — но Максиммион, выбирая его, понятия об этом не имел. Этот частный грузовоз ничем не отличался от остальных таких же, да и команда, занимавшаяся своими делами на посадочном поле, выглядела обычно: угрюмые, суровые и крепкие мужики, привычные к перетаскиванию тяжестей, паршивой компании и еще более паршивой гигиене.

Максиммион решил, что такой корабль вполне сгодится, чтобы увезти его прочь из этого проклятого места, подальше в космос.

К тому же, грузовоз был единственным кораблем, готовившимся к скорому отбытию.

Сердце мальчишки отчаянно билось, готовое выпрыгнуть из груди, пока он пробирался мимо троицы спорящих о чем-то грузчиков и поднимался по задней рампе в главный трюм. Максиммион не сомневался, что его поймают — однако он так много времени провел, бегая и ползая по вентиляционным трубопроводам и шахтам, что мог бы делать это с закрытыми глазами, и теперь этот навык весьма пригодился. И к тому моменту, когда корабль начал подниматься на орбиту, мальчик уже забрался глубоко внутрь

вентиляционной системы. Ему удавалось оставаться незамеченным и бродить, где вздумается, прячась в трубах и воздушных каналах, и при любой удобной возможности красть еду — но он каждый раз старался брать не слишком много. Так прошел целый месяц, пока корабль не приземлился снова.

Поначалу Максиммион подумывал раскрыть свое присутствие и отдаться на милость капитана, а потом через одну из вентиляционных решеток увидел драку, вспыхнувшую за карточной игрой. Самого молодого и щуплого из картежников несколько раз безжалостно ударил ножом другой, куда более крупный, потерявший голову от ярости. С тех пор Максиммион

даже не помышлял о том, чтобы показаться кому-то на глаза.

Перевозимых грузов он так и не увидел — ящики были надежно запечатаны, — но позже он узнал, что внутри скрывались ксенонаркотики и ксенотехника. Об этом мальчик услышал от судьи из Адептус Арбитрес, отправившего весь экипаж корабля на казнь после очень недолгого разбирательства.

Максиммиону еще не было десяти, к тому же, команда о нем понятия не имела — это лишь киберпсы Арбитрес с легкостью его учуяли, — и потому его приговорили к пожизненному заключению в месте под названием Черный форт без права на

помилование.

Еще во время полета мальчик пробрался на инженерную палубу, пока остальные члены экипажа спали или пили, и воспользовался сварочной горелкой, чтобы выжечь татуировки. Он стиснул зубы, по его щекам лились слезы, но он выдержал. Если бы Максиммион не свел метки, Арбитрес обязательно вернули бы Адептус Механикус их потерянную собственность обратно.

Однако голова человека, обыскивавшего мальчишку, была занята другими мыслями, поэтому осмотр оказался коротким и поверхностным — здесь Максиммиону опять-таки повезло, потому что татуировку

на заливке он свел кое-как, не имея возможности увидеть себя в зеркале. А выжигать большую площадь, чтобы наверняка, уже было слишком больно.

Так мальчик угодил в Черный форт, где его передали старшему надзирателю. Тот тоже коротко осмотрел новичка, назвав его «разочаровывающе мелким», а затем запер вместе с двумя сотнями других мальчишек в секторе, именовавшемся «крылом несовершеннолетних».

Правда, остальные мальчишки и сами надзиратели звали это место иначе. У них оно называлось «Волчьей ямой».

И именно там, в Волчьей яме, Максиммион,

которому минуло девять, уяснил — если он хочет выжить, ему придется убивать.

Хватит. Прошлое пусть гниет!

Поток машин, появившихся из восточных ворот комплекса Ценецеки, по-прежнему не иссякал. Пока Фосс и Стригго бежали к воротам, грохоча бронированными подошвами, впереди мелькали багги, мотоциклы, грузовики и полугусеничные бронетранспортеры, битком набитые бойцами-мутантами. Некоторые висели на боках машин, ухватившись за поручни одной рукой, а в другой сжимали стаббер, обрез, рад-винтовку или пистолет.

Мотоциклы и багги были слишком шустрыми, и Фосс указал на грузовик, шедший с края колонны. На его правом боку — с той стороны, откуда пришли Фосс и Стригго, — висело шестеро мутантов.

Космодесантников они пока не заметили.

— Можем его перехватить, — кивнул Кархародон.

Они бросились бежать со всей возможной скоростью, какую только позволяла развить силовая броня. Грузовик еще не разогнался толком, но обычный человек уже не смог бы его догнать. Бросившись напрямик к машине, оперативники Караула начали с легкостью сокращать отрыв.

— Никого не убивать, пока поближе не подберемся! — гаркнул Фосс.

— Да знаю я, знаю! — огрызнулся Стригго.

Они в считанные секунды поравнялись с грузовиком.

— Давай! — скомандовал Фосс, и оба космодесантника открыли огонь. Снаряды угодили в тела шестерых крупных мутантов, разрывая их изнутри. Убитые попадали на землю, откатываясь по инерции, а грузовик так и не остановился.

Караульные сбавили шаг, чтобы прицелиться как следует, и после очередного выстрела запрыгнули на бок

грузовика. Омни уцепился за поручень ближе к кабине, Стригго повис позади.

— Какого?.. — выругался было водитель, когда грузовик повело от неожиданного веса. Выглянув в боковое зеркало, он увидел карие глаза Фосса, смотревшие прямо на него, и широкое дуло болтера, грозящего прострелить водителю деформированную голову.

— Не сбавляй скорость, мутант! — рыкнул Фосс в окно грузовика. — Или ты делаешь все, что я приказываю, или я перекрашиваю эту кабину в красный!

Стригго в этот момент оторвал задние двери и забрался внутрь. Мутанты, ехавшие

в кузове, тут же выхватили оружие, но они безнадежно уступали Кархародону в скорости. Паническая стрельба не возымела никакого эффекта — пули бессильно отскакивали от керамики. Стригго обнажил акулийи зубы в жутком хищном оскале, перекинул болтер за левое плечо и радостно бросился вперед, убивая врагов голыми руками.

После того, как он выбросил из кузова изувеченные тела, грузовик пошел вперед быстрее. Водитель услышал за спиной крики, почувствовал, как ход машины стал легче, и нервно сглотнул, стараясь не оглядываться на висящее справа страшилище, покрытое шрамами.

Впереди, в конце длинного пологого ската, забрезжил дневной свет.

И в ухе у Фосса затрещало.

— Зубоскал, — позвал Имперский Кулак, — похоже, у нас связь обратно подключилась. Ответь.

Он говорил тихо, чтобы Стригго мог услышать его только через вокс.

— ...слышу... Омни.

Помех по-прежнему было слишком много.

— Повтори, — попросил Фосс. Грузовик вместе с десятками остальных машин понесся на свет, к выходу из шахты.

— Я сказал — слышу тебя, Омни, —
откликнулся Стригго, на этот раз четко. —
Подтверждаю наличие вокс-связи.

Грузовик вырвался из зева шахты под свет
сиррийского солнца, приглушенный черным
дымом пожаров, бушевавших на западе.

Фосс немедленно связался по воксу с
«Грозовым вороном».

— «Вампир», это Коготь-Три. Как слышите
меня?

— *«Вампир» на связи, Коготь-Три,* —
раздался ясный и разборчивый голос
Женнона. — *Приближаемся к маркеру.*

— Бронированный автомобиль. Темно-

серый. Одна турель на крыше.

— *Вижу их,* — ответил Женнон. — *Иду на перехват.*

Фосс переключил канал, вызывая Стригго.

— Все еще в игре, Караульный.

— Все еще в игре.

А воспоминания о прошлом никак не желали отпускать его.

Если бы Кассус дожил до того дня, когда Максиммиону минуло одиннадцать, он не узнал бы брата. Не узнал бы его и Мортен — если бы ему не стерли разум и не

превратили в сервитора в наказание за то, что он помог мальчишке сбежать.

Сейчас лицо Максиммиона, стоявшего перед старшим надзирателем в одних рваных тюремных штанах, выглядело иначе — покрытое шрамами, холодное и безэмоциональное, заострившееся в чертах, с тяжелой челюстью и стальным взглядом. Он больше не выглядел ребенком, несмотря на возраст. Теперь это был юный чемпион тюремных ям, убивший более шестидесяти других таких же закаленных мальчишек, и большую их часть — не всех, сказать по правде, — на засыпанной песком арене.

Максиммиона окружали четверо

охранников, вооруженных дубинками-электрошокерами. Трое их них паренька обожали — все они неплохо подзаработали на его бесчисленных победах. А четвертый, стоявший у него за спиной, злобно скалился, вертя дубинку в руках. В последней схватке он поставил на соперника Максиммиона и проиграл месячное жалование. Его жена пилила его за это каждый день, отбивая всякую охоту возвращаться домой после смен.

Старший надзиратель прокашлялся, положил пухлую руку на стол и окинул Максиммиона взглядом, всматриваясь в плотную паутину шрамов, покрывавшую грудь и шею мальчишки.

— Завтра тебе придется поучаствовать в схватке иного рода, парень. Ты уже дрался со всеми возможными противниками на арене. И всех одолел. Но это были такие же мальчишки. А завтра ты встретишься кое с кем из взрослого крыла.

На жестком лице Максиммиона на мгновение промелькнуло сомнение — и тут же сгинуло.

— Взрослого? — рыкнул он. — Это еще зачем? Вы хотите, чтобы меня убили?

Надзиратель усмехнулся.

— Это уже от тебя будет зависеть, парень. Этот мужик — убийца. До того, как сюда

попасть, он пришел троих мальчишек примерно твоего возраста, просто ради удовольствия. Он рассчитывает сначала поиграть с тобой, а затем прикончить. Думаю, ты можешь здорово его удивить.

— А зачем вообще нужен этот бой? Ради чьей-то прихоти? Или потому, что кто-то хочет, чтобы меня наказали? —

Максиммион кивнул себе за плечо, на раздраженного охранника.

Старший надзиратель встал из-за стола и отвернулся, глядя в единственное окно кабинета. Небо было серо-стальным. Собирался дождь.

— Впервые за долгое время в эту тюрьму

заглянут... гости, — проговорил надзиратель, не оборачиваясь. — Они попросили показать им нашего лучшего из юных бойцов. А это — ты.

Он обошел вокруг стола и встал напротив Максиммиона, пристально глядя мальчишке в глаза.

— Выиграй этот бой, парень, и твоя убогая жизнь изменится так, как ты себе и представить не сможешь. Даже просто выйти на арену на глазах наших гостей — это уже честь, которую ты еще не осознаешь толком. Больше я ничего сказать не могу. Просто поверь мне на слово.

Максиммион нахмурился.

— Мне совершенно наплевать на честь, но у меня, похоже, нет выбора. Вы отправляете меня в яму, а я либо выигрываю, либо погибаю. Здесь все по-старому. Вы дадите мне сведения о противнике?

Старший надзиратель покачал головой.

— Тебе придется изучать его на ходу, прямо во время боя. Наши гости хотят посмотреть, как ты адаптируешься.

Максиммион отвернулся и выругался.

Предыдущих убитых им он хотя бы знал.

Насмотрелся на них еще до того, как начались бои. В конце концов, он делил с

ними тюремное крыло. Но молодняк никогда не смешивался со взрослыми.

— Это какая-то дурацкая шутка.

Надзиратель схватил паренька за широкие плечи. Максиммион повернулся, снова взглянув ему в глаза — и увидел в них пламя.

— Это не шутка, — проговорил надзиратель. — Все выпавшие на твою долю испытания подводили тебя к этому моменту. Я почти год скрывал от Механикус, что ты здесь, только потому, что верил — однажды подобный день настанет. Год назад один из наших штатных рабочих заметил знак у тебя на

загривке и оповестил ближайший факторум — он подумал, что ты сбежал оттуда. Я лгал им. Но я не могу лгать им вечно. Они очень скоро пришлют сюда одного из своих скитариев-следопытов.

Максиммион стиснул зубы.

— Я не дамся им в руки живым, — прошипел он.

— Тогда выиграй завтрашний бой. Выиграй — и они больше никогда не смогут тебя достать.

— Я не понимаю.

— А тебе и не нужно понимать. Пока не нужно. Просто выиграй.

Максиммион угрюмо кивнул. Больше обсуждать было нечего.

Когда он вместе с охранниками вышел из кабинета, тот, что все еще злился на него, пробормотал:

— Вот бы тебя завтра на клочки разодрали, чертов ты крысенок. Я бы заплатил за такое зрелище...

— ...если бы у тебя какие-нибудь деньги остались, Зеккис, — со смешком закончил второй охранник. Остальные тоже рассмеялись, но Максиммион не обратил на них никакого внимания.

Мысленно он уже готовился к сражению.

За рулем броневедомобиля Ценецеки сидел мутант по имени Грунд — один из так называемых Пяти Князей, лидеров банд, после объединения превратившихся в генералов под началом техножреца. Грунд был не самым крупным среди сородичей, но его чувства отличались невероятной остротой, а реакция — молниеносной быстротой. И в прошлом ему не раз приходилось это доказывать на практике, — до тех пор, пока другие, более крупные мутанты не перестали бросать ему вызовы.

Ревностный последователь Ценецеки, Грунд верил в техножреца и его идею о создании места, где мутанты могли бы жить в покое. Он гордился тем, что стал

водителем мессии... но сегодня на него оказалась возложена еще более почетная ноша.

На Сафо-ведьму, еще одну из Пяти Князей, — хотя чисто технически Сафо была женщиной, — снизошло короткое, но яркое видение об огнедышащем драконе в небесах, о черной громадине, которая обрушит на землю ужас и смерть. Поначалу Сафо решила, что этот образ означает имперский штурмовой корабль, и потому предупредила Ценецеку, что на конвой нападут с воздуха. Но оставалась одна деталь, которую она никак не смогла разгадать — символ, промелькнувший на долю секунды в самом конце видения. И

когда Сафо рассказала о нем мессии, тот пришел в замешательство.

— Это символ Ордо Ксенос, — ответил он ровным механическим голосом. — Охотники на ксеносов из Инквизиции. До меня им никакого дела быть не может. Если они и придут сюда, то за орками.

— И тем не менее, они каким-то образом связаны с пророчеством, — не отступила Ведьма.

Ценецека несколько секунд обдумывал ее слова. Отступник или нет, но он оставался Механикус и никогда не понимал ведьмовства и видений, не особо им доверяя. Но и глупцом техножрец тоже не

был — частота, с которой сбывались пророчества Сафо, совершенно не сходилась ни с одной исчисляемой вероятностью.

Вот почему так вышло, что в этот день Ценецека поехал не в той машине, которую вел Грунд, а предпочел другую, менее приметную.

И, когда «Грозовой ворон» спикировал с небес и выпустил смертоносный снаряд «Удар грома», Грунд уже знал, что его ждет смерть. Он добровольно согласился принести себя в жертву — может быть, он и не увидит, как его собратья-мутанты обретут свободу, но его собственная гибель станет для них ступенькой к ней.

Ракета поразила цель.

Бронеавтомобиль взорвался,
превратившись в сгусток пламени, и в небо
повалил мощный поток черного дыма.

«Вампир» пронесся прямо сквозь него,
всколыхнув темные клубы, и заложил
вираж над горящей машиной, ожидая,
когда Ценецека выберется из пламени.

Но тот так и не появился.

Со всех багги и грузовиков открыли огонь
— литые пули, лучи рад-винтовок и лаз-
выстрелы устремились в небо, застучали по
брюху и хвосту «Ворона». Штурмовой

корабль скрежетал и вздрагивал под обстрелом, но ни одному из орудий пока что не удавалось пробить ему обшивку. Однако если мутантам удастся основательно повредить турбины...

— Его там нет, — раздраженно проговорил Соларион. — Заходи на круг, расстреляем остальные машины из болтеров.

Трудно было предположить, что техножрец погиб при попадании ракеты. Сигма санкционировал использование «Ударов грома», внимательно проанализировав все доступные разведданные. В архивах местных Арбитрес говорилось о том, что Ценецека использует силовую броню и энергощиты. Он вряд ли бы сумел

объединить противоборствующие группировки мутантов и удерживать власть над подземельями, если бы не превратился из скромного техножреца в живую боевую машину.

Нет. Если Ценецека и находился в том бронееавтомобиле, он бы уже давно оттуда выбрался.

«Вампир» кружил над землей, расстреливая из болтеров багги и мотоциклы, усеивая дорогу обломками.

— Цель не появилась! — сообщил Соларион по воксу. — Омни, ты меня слышишь? Мы подбили отмеченную машину. Техножреца в ней не было. Вы где?

Земля внизу кишела мотоциклами, багги и грузовиками — все они на огромной скорости неслись к эвакуационным полям, вздымая тучи пыли, как стадо диких гроксов.

— Мы в грузовике на внешнем краю колонны, — откликнулся Фосс. — Жрец должен быть в каком-то из грузовиков. Расстреливайте их. Все до единого.

— А как мы поймем, в каком из них вы?

— Я не в грузовике, я сбоку болтаюсь, — сообщил Фосс. — Зубоскал, оторви на этой штуке крышу, чтобы «Вампир» нас увидел.

— Я их заметил, милорд, — доложил

Женнон спустя секунду.

— Отлично. А теперь плюнь на багги и мотоциклы и стреляй по любому грузовику, который увидишь. Целься в кабины. Сейчас мы выкурим этого ублюдка.

— *Милорд*, — согласно откликнулся Женнон, «Вампир» резко ухнул вниз и пошел над самой дорогой.

Ценецека ехал в пятом по счету грузовике. Орудия «Вампира» пробили кабину такой мощной очередью, что машину закрутило на месте. Когда она наконец остановилась, прицеп разорвало изнутри ударами извивающихся металлических змей, черных и отполированных. Это оказались

механодендриты, похожие на щупальца конечности, столь любимые техножрецами.

— Вижу цель, — сообщил Соларион Фоссу и Стригго.

Ценецека выскочил из изувеченного грузовика и развернулся, высматривая «Грозового ворона».

— *Никогда еще таких шестеренок не видел!* — раздался по воксу изумленный голос Женнона.

Техножрец, в отличие от прочих собратьев, не носил алой мантии и не горбился. Его аугментация поражала всякое воображение. Он не уступал ростом

космодесантникам и носил нечто вроде силовой брони, как будто позолоченной и отполированной. То, что когда-то было типичным красным балахоном марсианского жречества, теперь превратилось в плащ, развевавшийся у Ценецеки за спиной. Под плащом шевелились шесть черных механодендритов, выгибавшихся, как живые щупальца — четыре из них оканчивались манипуляторами, похожими на клешни, а еще два венчали сияющие зеленые рад-бластеры.

А еще на техножреце не было капюшона. И его золотое лицо, выгледевшее как череп в лавровом венке, в открытую обратилось к

небу в поисках «Вампира». В глазницах маски светились красные линзы.

И ни одного символа Механикус — ни на доспехах, ни где-то еще.

— Женнон, стреляй по нему!

— *Милорд, предполагалось, что мы...*

— Ответственность за этот приказ я полностью беру на себя. Стреляй! — велел Соларион. — Один короткий залп.

«Ответственность беру на себя? С каких это пор я начал мыслить подобными категориями?..»

Ультрадесантник изменился сильнее, чем

ему казалось. За время, проведенное в компании остальных горячих голов «Когтя» он... что? Испортился? Соларион улыбнулся уголком рта. Нет. Пообтесался, пожалуй. Но не испортился.

Женнон выстрелил. Три снаряда угодили Ценецеке в нагрудник — вернее, должны были угодить. Но вместо этого вокруг техножреца вспыхнул мутный шар белого света, и снаряды бессильно разбились об него. Ценецека даже не отшатнулся. А затем полыхнули его собственные рад-бластеры, и техножрец открыл ответный огонь. Два шара зеленого рад-пламени взметнулись вверх, метя в «Вампира».

Женнон отличался невероятной скоростью,

несмотря на отсутствие аугментов. Его рефлексы и количество уничтоженных им противников привлекли внимание ордоса, решившего забрать пилота из Имперского Флота. Женнон уклонился от радивыстрелов — немногим на его месте удалось бы это сделать, — но те все равно прошли в опасной близости. Один и вовсе оказался так близко, что правая турбина отреагировала предупреждением по повышению температуры.

— Омни, Зубоскал, слушайте меня, — позвал Соларион по воксу. — Цель, как и ожидалось, закрыта энергощитом. Генератор где-то на нем. Вам придется подобраться поближе. — Затем он

переключился на Женнона. — Выведи нас из зоны поражения его оружия. Будем держаться на краю и не подпускать мутантов к Когтям Три и Семь.

Орудия Ценецеки не больно-то годились для противовоздушной обороны, но техножрец наверняка установил себе усовершенствованные системы наведения. И потому был опасен.

А значит, находиться в пределах досягаемости на стоило.

— *Как прикажете,* — откликнулся Женнон.

«Вампир» нырнул влево и пошел прочь, по пути обстреляв несколько машин.

Между тем Фосс, по-прежнему висевший на боку грузовика, не особенно переживал насчет мутантов, все еще пытавшихся добраться до эвакуационных площадок. О мутантах должен был позаботиться не он, а Сиррийская гвардия. Но многие из них заметили, что Ценецека выбрался на дорогу, и машины начали останавливаться. Мутанты выпрыгивали из кабин и кузовов и торопились помочь своему мессии и защитить его.

— *Ты его видишь, Омни?* — спросил Соларион по воксу.

— Вижу.

— *Тогда пошевеливайтесь там, пока он*

дальше не поехал!

— Да уж разберемся, Пророк! — огрызнулся в ответ Фосс, когда «Вампир» проскользнул в небе у него над головой. — А вы там готовьтесь нас подобрать!

Воспоминания оставались такими яркими, словно все это произошло только вчера...

В последний миг увернувшись от удара, Максиммион наградил Граммонда в бок левым апперкотом. Он бы с легкостью сломал ребра любому мальчишке, но Граммонд был на полфута выше и на семьдесят фунтов тяжелее — и потому лишь закричал и отшатнулся назад,

закрываясь руками.

— Грязный маленький ублюдок, — рыкнул убийца. — Да я тебе...

Максиммион бросился вперед и изо всех сил ударил его в колено. Попал — нога Граммонда неловко вывернулась. Потеряв равновесие, мужчина раскинул руки в стороны, пытаясь не упасть.

И Максиммион снова ударил с левой — на этот раз снизу, в челюсть.

Перед глазами Граммонда закружились звездочки. Он пошатнулся и помотал головой, пытаясь прийти в себя.

Но Максиммион не дал ему времени на

передышку. Он атаковал еще раз, пнул противника между ног, а затем снова врезал в челюсть, и Граммонд со стоном рухнул на колени. Максиммион одним неуловимым движением метнулся к нему, вспрыгнул на спину и крепко обхватил ногами за пояс, сдавив одной рукой шею, упираясь второй для верности.

Они прокатились по песку, но Максиммион только крепче сжимал захват. Граммонд брыкался и вырывался, но так и не сумел стряхнуть мальчишку. Ему так и не удалось ударить Максиммиона хотя бы раз, и если бы в его легких еще оставался какой-то воздух, Граммонд закричал бы от злости.

Но вместо этого он умер молча, и

единственным звуком, который издал убийца, стал шелест песка под его дергающимися ногами. Но и тот шуршал всего несколько секунд.

И на глазах у всех зрителей, собравшихся по периметру арены, ничтожной жизни Граммонда пришел конец.

Максиммион не разжимал рук, пока не убедился, что противник мертв. Только тогда он расслабился, выпуская Граммонда, и перекатился, вскакивая на ноги.

И снова почувствовал неизъяснимую тяжесть странных глаз, смотревших на него — точно так же их взгляд давил, когда

Максиммион спустился в яму перед поединком. Два темных силуэта, невероятно огромные, ждали его возле темного проема, ведущего прочь с арены.

Паренек перевел взгляд на старшего надзирателя, сидевшего на возвышении. Тот с гордостью кивнул, а затем встал и зааплодировал. И тут же со всех сторон грянули крики и аплодисменты — заключенные и стражи одинаково ликовали, радуясь победе Максиммиона.

Но тот не обратил на крики никакого внимания. Этот поединок ничем не напоминал те, что ему доводилось выигрывать раньше. Максиммион обернулся к темным силуэтам — и в этот

момент один из них шагнул на свет.

Глаза мальчишки округлились, а дыхание перехватило. Конечно же, ему доводилось слышать о них, но...

Гигант, закованный в ярко-желтую силовую броню, с лицом, скрытым под пугающим шлемом, вскинул нечто вроде пистолета, взял Максиммиона на прицел и нажал на спусковой крючок.

Дротик угодил мальчишке прямо в солнечное сплетение. Опустив глаза, Максиммион попытался вытащить его, но руки перестали слушаться. А следом отказало и все остальное тело.

Перед глазами почернело, и мальчик рухнул спиной на песок.

Но то, происходило сейчас, было важнее — и воспоминания постепенно отступили...

Повсюду валялись трупы мутантов и пылающие обломки машин. В воздухе висела густая завеса черного дыма, кружил пылающий пепел. Из шахтного тоннеля так и не показалось больше ни одной машины.

Все было кончено.

— Вы убили столь многих, — проговорил техножрец, но в голосе, раздававшемся из решетки вокс-динамика, эмоции

угадывались лишь смутно.

— А тебе не все равно? — поинтересовался Фосс.

Ценецека снова обвел взглядом царивший вокруг разгром.

— И ради чего это все? Я обещал отвести их в лучшее место. Я бы сдержал свое обещание. Одного транспортника...

— А дальше что? — прошипел Стригго. — Планета для мутантов? В Империи? И как ты рассчитывал этого добиться?

— Интеллектом, — ответил Ценецека, пожимая бронированными плечами, — и силой.

Этот жест был странно человеческим для техножреца — но, с другой стороны, он триста лет провел отдельно от своих сородичей. С тех пор, как покинул Аль-Рашак.

— У тебя бы ничего не вышло, — отрезал Стригго.

— Возможно. Но у нас было определенное преимущество, позволявшее рассчитывать на успех. Преимущество, которого мы лишились с приходом орков.

— А теперь остались только ты и мы, — закончил Фосс.

— Дайте-ка угадаю. — Ценецека развел

руками и механодендритами
одновременно. — У нас есть два способа
разрешить эту ситуацию — по-плохому и
по-хорошему.

— Я бы предпочел по-плохому. — Стригго
улыбнулся, демонстрируя острые зубы.

Линзы Ценецеки уставились на него.

Кархародон перекинул болтер за плечо и
вооружился своим самым любимым
оружием во всей Галактике — двумя
короткими силовыми мечами, звавшимися
«Гнев» и «Ярость». Он не расставался с
ними с тех самых пор, как стал бойцом
Четвертой роты в своем ордене. И отчаянно
желал увидеть, как мечи рассекут броню

безумного техножреца.

Ценецека снова перевел взгляд на Фосса.

— Из вас двоих ты кажешься более
вменяемым. Вот с тобой я и буду
разговаривать.

Рот Имперского Кулака искривил злобный
оскал. Это ведь был такой подарок —
техножрец, которого не защищали никакие
клятвы. Все, что требовалось доставить
Сигме — это голова и тело, целые и
неповрежденные. А конечности... вот их
можно и оторвать. Какое бы это было
удовольствие!

— «Вменяемым»? — прорычал Фосс. — Я бы

на твоём месте не обольщался.

— А, я вижу в твоих глазах невероятную ненависть, — проговорил Ценецека. — И все же мы раньше никак не пересекались. Или мои сведения ошибочны?

— Ты отправишься с нами, — заявил Фосс.
— Кое-кто хочет тебя видеть. По крайней мере, большую твою часть. Целиком привозить не обязательно.

Ценецека усмехнулся — по-настоящему. Фосс никогда раньше не слышал, чтобы техножрец смеялся. Это казалось неправильным.

— Космодесантник, не лишенный

остроумия, — проскрежетал техножрец. —
Однако я хотел бы знать, зачем я
понадобился Караулу Смерти? У меня нет
никаких связей с ксеносами. А! Вероятно,
это Ордо Ксенос, подразделение
Инквизиции... И все-таки... Разве что твой
владыка собирается обменять меня на что-
нибудь у Ордо Еретикус или Адептус
Меха...

— Надо мной нет иных владык, кроме Ворна
Хагана, — оборвал его Фосс. — И это во имя
его — и во имя примарха, — я служу
ордосу. И мне совершенно все равно, зачем
ты понадобился инквизитору.

Он шагнул ближе, опуская болтер.

— Омни! — позвал Стригго и подался вперед, крепче стискивая мечи, но Фосс не обратил на него никакого внимания.

— Орки вот-вот будут здесь, — проговорил он, глядя техножрецу прямо в глазные линзы. — Я уверен, что ты их слышишь не хуже моего. Сейчас улетают последние транспортники. Всякий, кто останется на Сиррии — покойник. Эта планета перешла в руки зеленокожих.

Несколько секунд Ценецека молча сверлил космодесантника взглядом.

— Я тоже так считаю, — сказал он наконец.

— Разряди орудия, — потребовал Фосс. —

Отключи щиты, отсоедини механодендриты и иди за нами. Это не лучший вариант из возможных. Это единственный вариант из имеющихся.

Стригго взрыкнул — он все еще жаждал боя, несмотря на то, что возразить против аргументов Фосса было нечего.

Они постояли так, напряженные до предела — трое готовых к битве воинов, — пока секунды медленно текли одна за другой.

А затем сияющие рад-бластеры Ценецеки заморгали и угасли. С тихим жужжанием отключилось защитное энергополе.

Механодендриты отсоединились от

креплений за спиной техножреца и упали на землю клубком мертвых змей. И Ценецека шагнул вперед, оставляя их валяться на месте.

— Веди, Караульный, — обратился он к Фоссу. — А то как бы мы на рейс не опоздали.

Имперский Кулак покачал головой и указал болтером на юг.

— Ты первый, — отрезал он.

Ценецека направился в указанную сторону, и Фосс открыл канал связи с Соларионом и лейтенантом Женноном.

— «Вампир», это Коготь-Три. Ведем

техножреца. Подберите нас.

— *Видим вас, Коготь-Три.*

«Грозовой ворон» заложил вираж над пологим холмом на юге и, развернувшись, направился к ним, выбрав для посадки участок дороги, более-менее свободный от обломков и трупов. У входа в отсек их уже дожидался раздраженный Соларион, тут же взявший техножреца на прицел пистолета.

— А по дороге я бы хотел послушать, — начал Ценецека, обращаясь к Фоссу, пока они поднимались по рампе на борт штурмового корабля, — откуда в тебе столько ненависти к Механикус.

— Не испытывай мое терпение, — рыкнул Фосс и, сопроводив Ценецеку в отсек, закрепил на нем блокирующий механизм.

«Грозовой ворон» взлетел, утробное урчание турбин сменилось оглушительным воем — и корабль устремился на орбиту, где дожидалась «Святая Неварра».

— Я заметил, как ты смотрел на мои механодендриты, сын Дорна, — продолжил Ценецека. — Я видел твою ненависть и удовлетворение, когда ты увидел, как они упали на землю. Ты ведь ненавидишь техножрецов, разве нет?

Фосс устроился рядом с Соларионом и Стригго, и теперь все трое смотрели на

сидящего перед ними техножреца, на его золотую маску-череп — и изо всех сил удерживались, чтобы не пустить в дело болт-пистолеты.

— Я хотел бы понять, что вызвало в тебе эту ненависть.

— Это будет долгий полет, — вздохнул Стригго. — Где у этой бормочущей железки выключатель, а?

Фосс, не удержавшись, расхохотался.

А затем по воксу донесся голос Женнона:

— *«Святая Неварра», это «Вампир».*

Запрашиваем разрешения на посадку.

— Посадку разрешаем, «Вампир». Добро пожаловать обратно.

Гололитическое изображение Сигмы мерцало и переливалось перед закованным в золотую броню беглым техножрецом. Их отделял друг от друга ничем не накрытый гранитный стол. Комната была маленькой, холодной и почти лишенной мебели, но обоих собеседников это нисколько не волновало. Инквизитор не присутствовал здесь на самом деле, а Ценецека воспринимал окружающий дискомфорт исключительно как набор взаимосвязанных данных.

Единственным, что по-настоящему

занимало их обоих, был Аль-Рашак.

— Его не должны были отыскать, — проговорил Ценецека. — Он слишком опасен.

— Подобные вещи невозможно скрывать вечно, — откликнулся Сигма, — даже имея такую силу, как у Адептус Механикус. Не от ушей и глаз Пресвятой Инквизиции Императора. И не от альдари — теперь им известно столько же, сколько знали мы до того, как смогли выйти на тебя. Пусть Аль-Рашак и опасен, но он станет в разы опаснее, если угодит в руки ксеносам.

Ценецека умолк, рассчитывая вероятности. И большая часть этих расчетов давала

совершенно жуткие результаты.

Большая — но не все.

— По этой причине и ради сохранения всех накопленных мной знаний и умений, я отправлюсь с вами, — заявил техножрец, глядя на сияющую проекцию своего похитителя. — Я согласен вернуться к той аномалии, от которой тогда сбежал.

1. В оригинале прозвище Стригго — Lips (англ. «Губы»), в переносном смысле — «наглый», «дерзкий», реже — «остряк». Одновременно и насмешка над «дружелюбной улыбкой» Кархародона, и над его «веселым и общительным» характером. С таким же успехом по-русски

Зид мог бы назвать его «Улыбашкой».

Поэтому я подобрала наиболее близкий по смыслу аналог.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Комплекс_Мессии/_Messiah_Complex_\(рассказ\)&oldid=21446](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Комплекс_Мессии/_Messiah_Complex_(рассказ)&oldid=21446)
